

⁴ По этой теме подготовлено лишь несколько специальных работ. См., напр.: *Бикметов Р. С.* Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.) Кемерово, 2009 и др.

⁵ См., в частности: *Букин С. С.* Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье. // *Западная Сибирь в Великой отечественной войне (1941–1945 гг.)* Сб. науч. тр. Новосибирск, 2004; *Букин С. С., Исаев В. И.* Новосибирцы. Очерки истории повседневной жизни. Конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 2008 и др.

Романов Р. Е.

**Мероприятия государственных органов управления
по призыву городской молодежи в учебные заведения
гострудрезервов Новосибирска в первый год войны
(на примере январско-февральской призывной кампании
1942 г.)***

В первый год войны резкое обострение нехватки индустриальных кадров существенно актуализировало проблему экономической мобилизации людского потенциала, сосредоточенного в городах тыловых районах СССР. В данный период государство решительно взяло курс на максимальное и всеобъемлющее регулирование движения рабочей силы, который начал вызревать еще в ходе первых трех пятiletок. Одним из основных механизмов ее управляемого распределения в пользу ведущих отраслей народного хозяйства являлась предельно централизованная система государственных трудовых резервов (гострудрезервов). Особое значение она приобрела в восточных районах страны, где после завершения первого этапа промышленной эвакуации (июль – декабрь 1941 г.) оказалась сконцентрирована львиная доля военно-индустриального потенциала страны. К концу 1941 г. одним из крупнейших за Уралом центров по размещению эвакуированных предприятий оборонного значения стал Новосибирск. К этому времени город принял 27 крупных заводов, слабо обеспеченных рабочей силой. В этих условиях одним из важных источников формирования новых заводских коллективов стала молодежь в возрасте до 18 лет, большинство которой включалось в производство через учебные заведения трудрезервов. В организационном плане ее мобилизация в РУ, ЖУ и школы ФЗО

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00248а

из районов крупного индустриального центра являлась более оперативной и менее затратной, чем из сельских районов. В связи с этим возникает интерес к анализу эффективности мероприятий государственных органов управления по призыву юных жителей Новосибирска в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО города в годы войны. В частности, данная проблема рассматривается на примере призывной кампании, проводившейся во второй половине января – начале февраля 1942 г., то есть в период ввода в строй основной массы эвакуированных заводов до предела обострившего кадровую ситуацию в сибирской промышленности.

Создание системы гострудрезервов, инициированное высшими органами государственной власти, произошло за несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» от 2 октября 1940 г. были образованы ремесленные и железнодорожные училища (РУ, ЖУ) с двухгодичным сроком обучения и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) – с полугодовым. Руководство этими учебными заведениями в масштабах всей страны осуществляло Главное управление гострудрезервов, учрежденное при Совете народных комиссаров СССР (Совнарком), в отдельных регионах – управления край- и облгострудрезервов при исполкомах местных советов. Управления решали широкий круг задач – от открытия РУ, ЖУ и школ ФЗО до направления подготовленных рабочих на предприятия. В октябре – ноябре 1940 г. в ходе их организационной деятельности в Новосибирске были созданы шесть учебных заведений, в том числе четыре ремесленных училища, железнодорожное училище и школа ФЗО, в которые поступили свыше двух тысяч юношей и девушек¹. За первые месяцы войны под влиянием эвакуации городская сеть и контингенты учащихся учреждений начального профессионального образования значительно выросли. По данным на 10 декабря 1941 г. в Новосибирск из прифронтовой полосы прибыли пятнадцать ремесленных училищ с контингентом в 3,2 тыс. учащихся². Увеличение количества учебных заведений трудрезервов стало одним из факторов роста численности воспитанников РУ, ЖУ и школ ФЗО. К концу 1941 г. она превысила 10 тыс. чел., что было следствием, как приема эвакуированных учащихся, так и призыва местной молодежи в данные образовательные учреждения.

В целом мобилизация подростков и молодых людей в РУ, ЖУ и школы ФЗО имела сложный и многоступенчатый механизм, приводившейся в действие высшими органами государственного управления. В годы войны она начиналась с издания соответствующего по-

становления Государственного Комитета Обороны (ГКО) или Совнаркома СССР. В нем устанавливались сроки, условия, порядок и контингент призыва, на которые должны были ориентироваться местные органы власти. Каждый регион получал сверху собственную разнарядку по мобилизации юношей и девушек в учебные заведения трудрезервов. Ее выполнение санкционировалось совместными постановлениями партийных комитетов и исполкомов советов краев, областей и автономных республик, адресованными нижестоящим областным, городским и районным инстанциям. Последние обеспечивали создание и функционирование сети призывных пунктов, где работали комиссии по отбору подростков и молодых людей для РУ, ЖУ и школ ФЗО. Его основными критериями являлись возраст, занятость на производстве, состояние здоровья, социальное происхождение и «морально-политическая благонадежность». Юноши и девушки, прошедшие этот отбор, направлялись в училища и школы трудрезервов. Лица, уклонявшиеся от призыва, рассматривались как правонарушители и преследовались по закону.

Следует отметить, что призыв молодежи в РУ, ЖУ и школы ФЗО не относился (в отличие от трудовой мобилизации населения на предприятия) к числу специфических явлений военного времени. В ходе первой призывной кампании, прошедшей в ноябре 1940 г., в учебные заведения гострудрезервов СССР было направлено 602,0 тыс. чел., в том числе из городов – 313,7 тыс. (52,1%). В мае – июне 1941 г. часть данного контингента (250 тыс. чел.), окончившая полугодовые школы ФЗО, поступила на производство. При проведении второй кампании (июнь – август 1941 г.), развернувшейся еще до начала войны, учреждения начального профессионального образования приняли 594,5 тыс. чел., в том числе из городских поселений – 284,2 тыс. (47,8%)³. В частности, во втором полугодии 1941 г. в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО Новосибирска поступили 5,3 тыс. юношей и девушек⁴. Однако сокращение сроков производственного обучения, обусловленное обострением нехватки рабочих кадров, способствовало досрочному выпуску их основной массы из РУ, ЖУ и школ ФЗО. В связи с этим к концу 1941 г. назрела необходимость в проведении нового призыва подростков и молодых людей в учебные заведения трудрезервов, действовавших в неоккупированных районах страны.

Очередная мобилизационная кампания была санкционирована постановлением Совнаркома СССР № 2298-1053 от 29 декабря 1941 г. Согласно данному подзаконному акту в срок с 15 января по 1 февраля 1942 г. в РУ, ЖУ и школы ФЗО страны предполагалось

призывать 200 тыс. юношей и девушек⁵. В соответствии с инициативой правительства, 30 декабря 1941 г. Новосибирский обком партии и облисполком приняли постановление «О подготовке государственных трудовых резервов в школах фабрично-заводского обучения в 1942 г.». В нем также определялись сроки, условия и порядок призыва подростков и молодых людей в школы ФЗО. Проведением призывной кампании на местах руководили исполкомы областного, городского и районных советов. Они доводили до призывных комиссий разнарядки по мобилизации. По разнарядкам облисполкома в черте Новосибирска планировалось мобилизовать, по разным данным, от 1725 до 2500 чел. (от 32,0 до 40,6%), за счет колхозов Новосибирской области – 3660 чел. (от 59,4 до 68,0%). Всего в школы ФЗО предполагалось направить от 5385 до 6160 подростков и молодых людей в возрасте от 16 до 18 лет⁶. Кроме того, в компетенции исполкомов был также контроль над обеспечением мобилизованной молодежи одеждой, обувью, двумя сменами белья, продуктами питания. Подростки из городов снабжались за счет родителей, из сельской местности – за счет колхозов, воспитанники детских домов – за счет органов Наркомата просвещения.

Мобилизация молодежи в районах Новосибирска непосредственно проводилась призывными и медицинскими комиссиями. Призывные комиссии назначались из членов исполкомов райсоветов, которые осуществляли набор во взаимодействии со школами, комсомольскими организациями, семьями юношей и девушек, подлежащих призыву. Медицинские комиссии, формировавшиеся из заведующих райгорздравотделов, врачей-хирургов, терапевтов и окулистов, занимались проведением медосмотра призываемой молодежи для определения ее годности к труду на промышленных предприятиях.

Для выявления молодежи, не занятой в промышленном производстве, районные призывные комиссии Новосибирска использовали данные переписи трудоспособных горожан. В Октябрьском районе среди молодых людей в возрасте от 16 до 18 лет к этой категории населения относилось 394 чел. Более половины иждивенцев составляли учащиеся 8–10-х классов школ и средних специальных учебных заведений. Из подлежащих мобилизации были исключены те, кто поступил на заводы или техникумы еще до начала призыва. В целом по Октябрьскому району в школы ФЗО планировалось набрать 290 чел. Однако из 210 чел., явившихся по повесткам, были призваны лишь 77. Во время повторного набора вместо 150 чел., вызванных призывной комиссией, в школы ФЗО поступило 37 чел. Значительный отсев подростков и молодых людей обуславливался

рядом причин, в том числе состоянием их здоровья, школьным обучением, самостоятельным трудоустройством в ходе мобилизации, уклонением от набора. Всего к началу февраля 1942 г. из Октябрьского района учебные заведения трудрезервов получили 114 чел. или около 40% планового контингента молодежи.

В Дзержинском районе Новосибирска организаторы призывной кампании не ограничились формальным учетом численности неработающей молодежи и отправкой повесток по месту жительства. Активисты районных организаций партии и комсомола совершили обход жилых кварталов, сопровождавшийся беседами с родителями юношей и девушек об условиях их приема, обучении, материально-бытовом обеспечении в школах ФЗО. При этом, помимо молодых людей 16–18 лет, в данные учебные заведения набирались также 13–15-летние подростки. Такой подход к проведению мобилизации дал возможность призывным комиссиям Дзержинского района выполнить план призыва на 105%. Вместо 400 чел. в распоряжение трудрезервов поступили 420, в том числе 300 добровольцев⁷. Высокий удельный вес юношей и девушек, принятой по добровольному набору, свидетельствует о существенной результативности агитационной работы, проводившейся среди незанятой молодежи.

Всего по данным на 4 февраля 1942 г. в школы ФЗО Новосибирска поступило 1 668 чел., в том числе добровольно – 426. Из восьми районов города план по набору юношей и девушек в учебные заведения трудрезервов выполнили только два (Дзержинский и Первомайский). Сравнительный анализ вариантов проведения призывной кампании в Октябрьском и Дзержинском районах позволяет понять причины различной результативности действий призывных комиссий. Практика мобилизации показала, что формально-бюрократический подход к ее осуществлению являлся крайне неэффективным, поскольку он не позволял набрать необходимое количество учащихся для школ гортрудрезервов в условиях сокращения численности неработающей городской молодежи. Более полезной в этом деле оказалась организационная инициативность нижних инстанций, заключавшаяся в активном поиске потенциальных учеников при использовании комсомольской агитации и взаимодействии с семьями призываемых подростков и молодых людей. Опыт мобилизационной кампании, проведенной в Дзержинском районе Новосибирска, стал, по сути, эталоном для последующих наборов юношей и девушек в ремесленные училища и школы ФЗО, базировавшиеся на предприятиях оборонного значения.

Таким образом, в первый год войны мобилизация городской молодежи в учебные заведения трудрезервов являлась крупномасштабным мероприятием, реализация которого была обусловлена функционированием различных звеньев управленческой машины советского государства. При этом степень эффективности ее проведения на уровне крупного тылового города зависела от проявления инициативы со стороны низовых институтов государственного управления, оказывавшей непосредственное влияние на итоги призывной кампании.

Примечания

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 4. Д. 427. Л. 36; Ф. П-22. Оп. 3. Д. 982. Л. 29.

² Там же. Ф. Р-1814. Оп. 1. Д. 9. Л. 3–4.

³ ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 206. Л. 10.

⁴ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1184. Л. 80.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 206. Л. 10.

⁶ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 5а. Д. 18. Л. 352.

⁷ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1145. Л. 53.

Андреенков С. Н.

Освоение целинных и залежных земель во второй половине 1950-х гг.: принятие решения и разработка программы*

В начале 1950-х гг. сельское хозяйство страны, исчерпав восстановительный потенциал, вступило в полосу стагнации. В 1950–1952 гг. производство и заготовки зерна увеличились незначительно, а в 1953 г. уменьшились. В то же время расход хлеба в связи с ростом городского населения ежегодно повышался, превосходя объёмы хлебозаготовок. Возрастание производства зерновых культур связывалось главным образом с подъёмом урожайности полей, но из-за нехватки средств для интенсификации производства планы по её повышению не выполнялись.

На сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС, утвердившем первую постсталинскую программу развития сельского хозяйства, ос-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00504а).